Глава 131. Кресты

Земля ушла из-под ног. Перед глазами все поплыло. Голова закружилась. В ушах стоял оглушительный звон.

-Что… ты… сказала? – я не верила услышанному.

-Вида. Она умрет, - печальным голос сказала Августа, - Погибнет. Этого не изменить. Так же, как с муравьем.

Августа не говорила ничего лишнего, крепко держа мои дрожащие руки. В одночасье мы поменялись местами. Теперь она пыталась меня успокоить.

-Этого не может быть! Ты точно что-то путаешь!

Августа только покачала головой.

-Но…

Я отчаянно перебирала в голове, что следует делать. Мысли не хотели выстраиваться в логическую цепочку. Я постоянно срывалась то с одной идеи, то с другой. Я вся тряслась. Казалось, что все тело горело. Во рту пересохло.

-Мама? Ты как? С тобой все хорошо? – Августа наклонилась и взволнованными глазами посмотрела мне в лицо.

-Д-да… Я нормально… Нормально…

Августа ничего не сказала, положив голову на мое плечо.

-Ты ведь говорила, что не можешь видеть будущего со мной и другими, превышающие твои силы, это правда? – мелькнул тоненький лучик надежды.

-Правда.

-Тогда, может, ты просто не видишь, что я могу изменить будущее?

Она ласково и успокаивающе улыбнулась:

-Если бы ты могла этому помешать, я бы вообще не видела будущего Виды…

Я безмолвно уставилась в одну точку. Мысли исчезли. В разуме осталась одна пустота.

Я еще долго сидела в обнимку с Августой на кровати, пока мы обе не смогли более-менее прийти в себя. Августа не хотела меня отпускать, но я все-таки смогла найти в себе силы встать и выйти из комнаты, направившись на кухню.

Там сидела Вида. Родное лицо… Дорогой человек… Я не хотела верить в слова и предсказания Августы. Но между тем, чего мы хотим, и реальностью всегда останется непреодолимая пропасть.

-Ты поговорила с Августой? Что она сказала? – взволнованная девушка поднялась из-за стола и подошла ко мне, когда я остановилась в дверном проеме.

-Да, поговорила… - выдавила я из себя.

-Случилось что-то плохое? – Вида аккуратно дотронулась до моей щеки. Я чувствовала ее нежную и мягкую кожу, - Не бойся. Мы обязательно справимся!

-Справимся… - тупо пробубнила я.

На глаза сами собой наворачивались слезы, которые я пыталась сдержать.

-Ну же, не расстраивайся, - Вида не понимала, из-за чего появились слезы.

Я поддалась внезапному порыву чувств. Шаг вперед – и тоненькое, хрупкое девичье тело оказалось в моих крепких объятиях. Ее частое горячее дыхание… Обнимать ее очень тепло. И приятно. Я не хотела лишаться всего. Опять…

-Я не дам тебе исчезнуть! – прошептала я, - Не позволю никому забрать тебя!

***

С этого момента изменилось буквально все. Я постоянно допытывалась у Августы об обстоятельствах гибели Виды. Именно Августа рассказала, что церковь скоро должно сделать свой шаг. Именно из-за нее и погибнет Вида. И вариантов развития событий масса. Начиная от путешествия в город, в котором убьют Виду, и заканчивая выходом в лес за ягодами и грибами, когда церковь нападет.

Августа послушно в деталях описывала каждую ветвь будущего. Я же заранее пыталась его заменить. Но сколько бы ни пыталась – всегда видела грустный и обреченный взгляд дочери.

Если запретить Виде выходить из нашего города, она все равно погибнет… Шальная стрела, случайное заклинания во время битв. Убийцы, когда я отсутствую. Предатели. Лазутчики. Шпионы. Случайности. Я сходила с ума. Казалось, что сам мир желает смерти Виды. Если же я оставлю войну на плечах Парамона и Михаила, то смогу выиграть Виде в лучшем случае несколько лет, постоянно находясь рядом с ней. Я понимала – судьба больна на выдумки. Августа описала уже сотни смертей Виды. Были быстрые и безболезненные. Были и долгие, мучительные. Были пытки. Были случайные происшествия.

Я всегда заставляла себя до конца выслушивать предсказания Августы, обдумывая, как же мне их изменить. Ничего не помогало… А я все глубже и глубже погружалась в пучину безысходности и отчаяния.

Проходили недели. Вида заметила, что я веду себя странно. Я никогда не отпускала ее одну. Всегда хвостиком шла следом. От душевной усталости и потраченных нервов под глазами появились фиолетовые мешки. Из глаз исчезла вся радость и счастье. Остался тухлый и безэмоциональный взгляд. Лишь изредка во мне проглядывались цветные и яркие чувства, когда я наблюдала за Видой. Но они тут же пропадали, стоило вспомнить, что ждет Виду впереди.

Девушка старалась успокоить меня, узнать, в чем дело. Но я не раскалывалась. Наблюдала за ее тщетными попытками развеселить, сделать приятно.

В конце концов, мое поведение стало сказываться и на поведении Виды. Она стала нервной. Раздражалась по любому поводу, но все равно старалась избавиться от моей хандры. Я испытала на себе всю ее любовь и заботу. От этого становилось только хуже, когда я понимала,

что могу всего лишиться.

Я злилась. Злилась на судьбу. На то, что не могу ничего изменить. Разве не должно остаться хоть какой-нибудь лазейки? Она была… Я все чаще задумывалась о том, что и сказала Августа – стереть человеческий род из этого мира. Только тогда Вида сможет спокойно продолжать жить…

Я раздиралась на части. Собственный эгоизм, свое счастье столкнулись в неравной борьбе с остатками морали и этики. Страшно, но я постоянно представляла, как буду лично расправляться с невинными стариками, детьми… И понимала – я смогу. Смогу это сделать ради Виды. Мне не надо будет использовать и половины сил. Люди не смогут сопротивляться. Они слишком слабы.

На собственном примере я убеждалась – ради себя мы готовы пойти на все. Если наше счастье наступит только после уничтожения целого мира – мы уничтожим мир.

Каждый день. Каждый божий день я просыпалась с мыслью: «Все! Я должна действовать! Должна убить всех! Тогда Вида останется жива!» И всегда… Всегда я останавливалась, стоило только увидеть милое и уставшее лицо девушки, полное страха, заботы и беспокойства… Со слезами на глазах я закрывала дверь и возвращалась в объятия девушки.

Августа понимала, о чем я думаю. Понимала, что беспокоит мать, но ничего не говорила. Она четко дала знать, что примет любой мой выбор. И ее молчаливое согласие убивало меня еще больше.

В итоге, ничего не изменив, я засыпала в нежных объятиях Виды, сдерживая свои рыдания. Проклиная себя за беспомощность. Проклиная весь мир. Проклиная Ад, церковь и… людей. И я молилась. Молилась Богу, которого не существует. Молилась, чтобы вечно могла наслаждаться объятиями любимой, всегда засыпать вместе. Ответом было молчание. Молчание того, кого нет. Молчание жестокой судьбы. Молчание, заставлявшее чувствовать ледяное одиночество.

***

Я помню тот вечер. Вида уходила на ночную службу. Я помню ее теплую и нежную кожу, когда она гладила мою щеку. Помню ее сладкий аромат шелковистых волос. Помню соприкосновение наших губ. Незабываемый ягодный вкус... Крепкие объятия. Объятия, в которых наплевать на все. Помню тот трепет, что испытывала в животе, когда отпускала Виду из рук и закрывала за ней дверь.

Этой ночью мне было очень холодно. Холодно и одиноко…

***

-Мам, - я проснулась от тихого шепота Августы, тормошащей меня за плечо, - Просыпайся…

Открыв глаза, я увидела знакомое лицо дочери, но было в нем что-то странное. И это что-то заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке.

Не говоря ни слова, Августа повисла на моей шее. Я не хотела ничего говорить. И не хотела, чтобы она что-нибудь говорила. Я боялась.

Девушка взяла мою руку и повела за собой. Медленным шагом, на ватных подгибающихся ногах я следовала за Августой по пустынным улицам. Казалось, что жизнерадостный

переполненный людьми город опустел в одно мгновение. Мы шли в сторону собора. Чем ближе мы подходили, тем больше становилось людей. Они тихо расступались в стороны, пропуская нас. Образовалась дорожка, ведущая прямо к главным воротам собора, вокруг которого стояла многотысячная толпа. И молчала.

Мое сердце остановило ход. Я не могла нормально дышать. Я не хотела идти дальше. Как маленький ребенок, я сопротивлялась, упиралась ногами в землю, когда Августа насильно тащила меня за собой.

Я не поднимала глаза и смотрела под ноги на вымощенную камнем дорогу к воротам собора. Августа остановилась. Я тоже. Я знала – надо посмотреть вперед. Просто… Не хватало духа.

Девушка положила руку мне на плечо. Я вздрогнула и, сглотнув комок в горле, подняла глаза…

Перед собором возвышалась пара десятков деревянных крестов. В центре, прямо у входа, находился особенный крест. У его подножья виднелась каменная табличка с надписью: «Мы тебя нашли. Теперь твоя очередь». Рядом с табличкой уже стояли Михаил и Парамон. А на кресте…

На кресте же распято до слез знакомое обнаженное девичье тело…

***

В гробовой тишине слышался только глухой стук моих шагов. Я ничего не соображала, когда подходила к кресту. Легким ударом я сломала основание креста и аккуратно положила его на землю, сев на колени рядом. Пригвожденное бездыханное тело девушки даже не колыхнулось.

Трясущейся рукой я дотронулась до холодной и твердой щеки Виды. Я не знала, что делать. Упав на колени, я, не моргая, смотрела на бледное лицо. Внутри было пусто. Я думала, что совершенно спокойна. Но слезы полились сами собой. Когда первые блестящие капли упали на окровавленную грудь Виды, смывая засохшую багровую краску, раздался плач. Тихий. Сдерживаемый. И из-за этого пробирающий до глубины души. Острыми иглами вонзающийся в кровоточащее сердце.

Я не могла дышать. Я задыхалась. Захлебывалась собственными слезами. Перед глазами стояла непроницаемая дымка. Все тело дрожало. Было больно. Мучительно больно. Боль душевная превратилась в физическую. Грудь разрывалась на части. Я сама была готова разорвать грудь, лишь бы избавиться от гнетущей и сдавливающей боли. Только вот… руки не слушались.

Я больше не могла поддерживать себя в сидячем положении, прильнув к окоченевшему телу Виды. Я продолжала плакать. Сверкающие ручейки размочили засохшую кровь, которая сразу очутилась на мне.

Я потеряла счет времени. Когда казалось, что я успокаивалась, скорбь возвращалась с новой силой. Снова и снова я переживала одно и то же. Сквозь слезы виднелись счастливые воспоминания о прожитых годах. Наша встреча, первая ночь вместе… Цветные и яркие воспоминания потеряли все краски. Память о счастливой и беззаботной жизни почему-то несла в себе только тоску и невыносимую боль…